

Когда Хан Сиэнь столь открыто и беззастенчиво донес на него, Цзи Ло не оставалось ничего другого, кроме как поспешно выступить вперед. Он опустился на колени с видом глубочайшего раскаяния и трепета, заклиная государя сменить гнев на милость. Сам же лихорадочно соображал: едва раздадутся суровые обличения, как убедительнее доказать, что в возвращении Бай Шу не крылось никакого злого умысла?

Однако в ответ на его мольбы не раздалось ни единого гневного слова. Император словно и вовсе не расслышал их препирательств.

Взор повелителя неотрывно покоился на Хан Сиэне — в нем сквозило глубокое смятение пополам с растерянностью. Когда эти двое бесцеремонно распахнули двери его кабинета, государь по первому порыву собирался швырнуть им в головы кипу донесений из Сицзяна. Но стоило ему поднять глаза, как слова обвинения застряли в горле: навстречу ему шел тот самый человек, по которому его сердце тосковало больше десяти лет.

Все было точь-в-точь как в его частых полуночных грезах: безупречные, словно сошедшие с тончайшего шелка черты, благородная осанка и неуловимое веяние морозной свежести. Но стоило этому человеку поднять глаза, как иллюзия пошатнулась — во взгляде его не читалось ни капли тепла, ни радости, ни застарелой обиды. Лишь бесконечный, пробирающий до костей холод.

Сердце императора испуганно забилося. Ему почудилось, будто призрак из прошлого гневается на него за то, что все эти годы он плохо оберегал Цзи Ло. Повелитель потянулся вперед, желая оправдаться, но прежде чем он успел проронить хоть слово, юноша заговорил. Звуки этого чеканного, властного голоса обрушились на государя подобно раскату грома, мгновенно развеяв морок.

Черты лица могли быть обманчиво схожи, но манера держать себя и суть сказанного разительно отличались. Услышав этот до боли знакомый надменный тон, император мгновенно вспомнил имя: Хан Сиэнь.

В памяти государя Хан Сиэнь оставался чахлым, болезненно-желтым юнцом с заострившимися скулами — ни дать ни взять живой мертвец, не имеющий ничего общего с великолепным юношей у порога. Но именно образ прежнего заморыша помог императору окончательно стряхнуть оцепенение и вернуть самообладание.

Император во все глаза разглядывал стоявшего перед ним юношу, силясь совладать с вихрем мыслей. Между бровей Хан Сиэня не было заметно той самой алой родинки-чинь, да и во взгляде его не крылось едва уловимого тепла, с которым когда-то смотрел на него Ван Ин. Осанка, жесты, манера держаться — во всем сквозила чуждая дворцовым правилам свобода. При столь пристальном сравнении былое абсолютное сходство незаметно растаяло, оставив лишь отдаленные черты.

Стоило присовокупить к этому дерзкие жалобы Хан Сиэня и вспомнить его несносный нрав вместе с беспощадными методами ведения дел, как от мнимого сходства отсеялось еще две

доли из десяти. В душе императора шевельнулось странное чувство, но разум его окончательно прояснился, не позволив выдать волнения.

Государь сухо кашлянул, укладывая в голове дерзкие речи Хан Сиэня и покаянные мольбы наследника. Разобравшись в сути дела, он постарался вернуть лицу привычное бесстрастное выражение, хотя голос его прозвучал чуточку мягче обычного:

— Разве я не издавал указ, воспрещающий братьям Бай возвращаться в столицу? Как вышло, что наследный принц самовольно привез его обратно?

— Отец, — отозвался Цзи Ло, — Бай Шу владеет воинским искусством в совершенстве. Я пошел на этот шаг лишь после долгих раздумий. В конце концов, он лишь потомок опального сановника. Полагаю, сочтет Ваше Величество благом держать его при мне в качестве слуги или же велит отправить простым ратником на рубежи — любое решение станет для него проявлением монаршей милости.

В голосе наследного принца нарочито сквозило холодное высокомерие. Он явно давал понять, что желает низвести Бай Шу до положения раба, дабы уязвить его за былые прегрешения рода. Император пристально взгляделся в лицо сына и равнодушно обронил:

— Коль скоро ты уже принял решение, мне более не о чем расспрашивать тебя. Если других спешных дел нет, можешь идти. Мне нужно переговорить с Хан Сиэнем наедине.

Внутри у Цзи Ло все похолодело — он не ожидал, что отец столь бесцеремонно выставит его за дверь. Впрочем, внешне он остался безупречно спокоен:

— Но как же дело пятого брата и заместителя командующего Чжоу?

— На сей счет у меня будут свои распоряжения, — император прищурился. — Ты — наследный принц, но из-за долгого отсутствия упустил из виду столичные дела. Помни: будущий повелитель империи обязан ведать обо всем, что творится в его государстве. Тебе все ясно?

— Ваш слуга все понял, — поспешно поклонился Цзи Ло.

Государь лишь неопределенно хмыкнул. Лишенный выбора, наследный принц поднялся с колен и, уходя, бросил на Хан Сиэня едва заметный, красноречивый взгляд. Тот остался совершенно безучастен.

Когда шаги наследника затихли в отдалении, император вперил тяжелый, потемневший взор в лицо Хан Сиэня.

— Хан Сиэнь, дерзость твоя не знает границ. Ты осмелился пойти на обман собственного государя.

— Ваш ничтожный слуга и не думал лгать, Ваше Величество, — ровно ответил тот.

— Вот как? Разве не ты уверял, будто твое лицо изувечено ранами и оттого ты не можешь предстать пред ясные очи правителя? И это, по-твоему, уродство?

Император мысленно усмехнулся.

«Если этот негодник сейчас же не найдет убедительных оправданий, я не премину показать ему, сколь сокрушителен бывает гнев Сына Неба».

Хан Сиэнь даже бровью не повел. Встретившись с императором прямым взглядом, он спокойно пояснил:

— Мое лицо действительно покрывали глубокие рубцы и струпья, когда я покидал столицу. Лишь по прибытии в Сицзян раны затянулись, явив миру то, что вы видите сейчас. К тому же стоило мне ступить на земли Сицзяна, как недоброжелатели тотчас принялись распускать грязные слухи. Не случись со мной того несчастья в столице, враги наверняка раздули бы из моего сходства с покойным благородным супругом настоящий пожар, поставив под удар мудрость Вашего Величества.

— Язык у тебя и впрямь без костей, — государь криво усмехнулся, вспомнив донесения о толках в Сицзяне.

— Ваш слуга привык говорить лишь чистую правду, — парировал Хан Сиэнь.

Прежде императора забавляла эта поразительная прямота, но сейчас в его душе заскреблось глухое раздражение. Будь этот юноша хоть чуточку покладистее, думал он о благе государства и соблюдал приличия... Впрочем, тогда бы он не был Хан Сиэнем. Отогнав бесплодные мысли, повелитель вернулся к насущным заботам:

— Расскажи без утайки, что затеяли пятый принц и заместитель командующего Чжоу Жань? Неужели у моего сына хватило ума вступить в сговор с варварами Сижуня?

— У пятого принца нет ни дерзости, ни духу для измены, — Хан Сиэнь проявил верх прямолинейности. — Просто они с заместителем командующего Чжоу затаили на меня смертную обиду и решили убрать моими руками чужую фигуру. Да только у них ничего не вышло.

— Твоему везению можно лишь позавидовать, так что их провал вполне закономерен, — после недолгого молчания обронил государь.

Если вдуматься, этому юноше и впрямь сопутствовала невероятная удача. Стоило ему затеять обыск в чьем-то поместье — и тайные грехи хозяев непременно выплывали наружу. Любой, кто осмеливался перейти ему дорогу, рано или поздно оказывался замешан в государственной измене или ином преступлении.

— Дело не в везении, Ваше Величество, — бесстрастно отозвался Хан Сиэнь. — Всем известна мудрость: «В кристально чистой воде рыба не водится». Среди столичных чиновников едва ли сыщется хоть один безгрешный, все они любят ловить рыбку в мутной воде. Вы и сами прекрасно об этом знаете, просто до поры до времени закрываете глаза.

— Если бы я карал за каждую провинность с тем же рвением, что и ты, в залах совета ныне гулял бы один лишь ветер, — хмыкнул государь.

— Ваше Величество зрит в самый корень, — почтительно отозвался Хан Сиэнь.

Обычно после таких дерзких слов император тотчас выставлял юношу за дверь, но сегодня он медлил, погрузившись в раздумья. Молчание затягивалось, и Хан Сиэнь решил взять инициативу в свои руки:

— Ваше Величество, ваш слуга едва вернулся в столицу и еще не успел переступить порог родного дома, дабы смыть дорожную пыль. Время позднее, посему осмелюсь просить дозволения откланяться.

Государь шевельнул губами, словно хотел что-то добавить, но передумал и лишь кивнул:

— Ступай. В Поместье герцога Хань нынче на редкость шумно, так что твое возвращение весьма своевременно.

— Слушаюсь, — Хан Сиэнь склонил голову.

Император долго провожал его взглядом, пока силуэт юноши не растаял в полумраке галерей. Наконец он тяжело перевел дух. Что он чувствовал сейчас — разочарование или облегчение? Сказать трудно. Лицо Хан Сиэня казалось точной копией его утраченной любви, но стоило им заговорить, как эта иллюзия рассыпалась без следа. Слишком разными они были.

Вдруг губы императора тронула мимолетная усмешка. Он представил, какая буря разразится в Поместье герцога Хань, когда молодой наследник предстанет пред очи своего отца, герцога Хань Чжо. О, это зрелище наверняка будет незабываемым.

У дворцовых ворот Хан Сиэнь натолкнулся на сложный, полный немого вопроса взгляд евнуха Юань Бао. Чуть поодаль у кареты его терпеливо поджидали Цзи Ло и Бай Шу. Завидев юношу, наследный принц облегченно выдохнул и шагнул навстречу:

— Ну и ну, Хан Сиэнь! Облить меня грязью прямо у порога отцовского кабинета... Мог бы хоть словом обмолвиться, прежде чем бежать с доносом!

— Мой нрав не терпит недомолвок, Ваше Высочество. Прошу простить мою прямоту, — безучастно отозвался Хан Сиэнь.

Цзи Ло лишь со вздохом покачал головой и указал на притихшего воина:

— Ладно уж, так даже лучше. Зато теперь государь знает о нем, все недомолвки рассеялись, и ты можешь забрать его с собой совершенно открыто.

Бай Шу преданно и выжидающе воззрился на Хан Сиэня.

На самом же деле Хан Сиэнь раскрыл карты перед государством вовсе не из страха перед возможными кознями или нежеланием нажить неприятности из-за опального телохранителя. Ему просто до крайности претила привычка наследника распоряжаться чужими судьбами по своему усмотрению.

Сумерки уже сгустились над столицей. Спешно распрощавшись и сославшись на обилие неотложных дел, Цзи Ло отбыл. Бай Шу же, как и следовало ожидать, последовал за Хан Сиэнем в Поместье герцога Хань.

Покачиваясь на мягких сиденьях экипажа, Хан Сиэнь невольно вспомнил предостережение императора о царившей в его родном гнезде суматохе и тихо усмехнулся. Там и впрямь разыгралось целое представление. Несколько дней назад госпожу Лю внезапно свалил неведомый недуг. По такому случаю все замужние дочери клана Хань поспешили навестить больную мачеху, и четвертая барышня, Хань Минчжу, не стала исключением.

Да только забота едва не обернулась бедой. Когда госпожа Лю потребовала, чтобы падчерица поднесла ей чашу с целебным отваром, Хань Минчжу едва почувствовала резкий, горький запах снадобья, как ее поразил сильнейший приступ тошноты. Лекарство пролилось. Больная тут же принялась громко причитать и осыпать девушку упреками: мол, мачеха мучается от невыносимых болей, а неблагодарной девчонке лень подать питье. И, разумеется, приплела старую обиду — дескать, не родная мать, оттого и почета никакого нет.

Находившаяся рядом супруга пятого принца, Хань Цинсюэ, принялась поспешно утихомиривать разгневанную родительницу, фальшиво воркуя, что четвертая сестрица всегда отличалась почтением и не затаила в душе никакого зла. Ну а коль лекарство пролилось, не беда — слуги мигом приготовят новое, и Минчжу лично поднесет его матушке.

Хань Минчжу, и без того чувствовавшая себя скверно, под градом ядовитых намеков и притворных слез мачехи совсем побледнела. Не выдержав издевательств, она покачнулась и без чувств рухнула на пол. К счастью, служанка барышни оказалась на редкость проворной и успела подхватить госпожу. Немедля созвали лекарей, и те, едва прикоснувшись к запястью бесчувственной девушки, в один голос поздравили всех с благой вестью — пульсом беременности.

Понимая, что в покоях больной мачехи ее госпоже грозит смертельная опасность, преданная служанка проявила недюжинную смекалку. Она тайком выскользнула из покоев и бросилась в передний двор, где наследник князя Юна, Цзи Юэ, как раз выпивал в компании тестя, Хань Чжо. Узнав о случившемся, молодой муж не стал медлить ни секунды: он ворвался в женскую половину дома и уложил находящуюся без сознания супругу в паланкин, дабы немедленно увезти ее обратно в Поместье уездного князя Юна.

Сам же уездный князь Юн, отличавшийся крутым и буйным нравом, прознав о случившемся, пришел в ярость. Не дожидаясь, пока семейство Хань принесет объяснения, он вскочил на коня и во весь опор помчался к их воротам. Встав прямо под вывеской Поместья герцога Хань, старый князь громогласно костил хозяев на чем свет стоит, обвиняя их в покушении на жизнь его долгожданного внука. Вокруг ворот мгновенно собралась толпа зевак.

Напуганный скандалом Хань Чжо поспешно выбежал на улицу, рассыпаясь в извинениях. Вскоре к месту происшествия прибыла и супруга уездного князя Юна. С поистине величавым спокойствием она урезонила разбушевавшегося мужа и с вежливой улыбкой обратилась к хозяину дома, пояснив, что у ее супруга упрямый ослиный нрав — вспыхивает мгновенно, но и остывает быстро. Мол, старик столько лет грезил о внуке, что от страшного известия у него просто помутился разум.

Хань Чжо продолжал униженно кланяться, заверяя, что кабы ведал о положении дочери, ни за что не позволил бы тревожить ее по пустякам, даже ради занедужившей матушки. В заглаживание вины слуги герцога спешно выкатили со двора доверху груженную повозку с редкими снадобьями и яствами, приготовленными для дорогой госты.

Князь Юн порывался было закричать, что Хань Чжо нагло врет и все это подстроил умышленно, однако супруга мягко, но непреклонно удержала его за рукав. Мягко увлекая упрямого мужа прочь, она велела слугам забрать повозку с дарами, оставив хозяев усадьбы созерцать их удаляющиеся спины.

Благодаря этой яростной выходке вся столица уже на следующий день только и судачила о том, как в Поместье герцога Хань едва не погубили наследника княжеского рода Юн.

Хан Сиэнь не питал к Хань Минчжу особой нежности. И пусть у четвертой сестрицы не осталось родителей, способных защитить ее интересы, одного присутствия столь влиятельного брата было более чем достаточно, чтобы в Поместье уездного князя Юна к ней относились с должным почетом. Ну а лад в их союзе с Цзи Юэ теперь зависел лишь от их собственного терпения.

За этими размышлениями дорога пролетела незаметно. Когда карета остановилась у ворот Поместья герцога Хань, Хан Сиэнь ступил на мостовую. Его непривычно изысканный, ослепительно прекрасный облик мгновенно приковал к себе взоры всех случайных прохожих.

Привратники Поместья герцога Хань пребывали в крайнем замешательстве. Им давно сообщили о возвращении наследника в столицу и его визите во дворец, и они покорно ждали господина у входа. Но у них в головах не укладывалось, почему этот чудный, величественный незнакомец направляется напрямик к их дверям.

Едва Хан Сиэнь приблизился, один из слуг преградил ему путь. Смерив юношу высокомерным взглядом, он надменно процедил:

— Прошу простить, молодой господин, но перед вами Поместье герцога Хань. Коль ищете кого, назовитесь, а я передам управляющему.

Хан Сиэнь одарил его едва заметной, насмешливой улыбкой. Привратник внезапно почувствовал, как по спине пробежал ледяной предвещающий сквозняк, хотя так и не понял, чем заслужил подобный прием.

В народе недаром говорят, что слуга при дворе министра равен чиновнику седьмого ранга. И пусть Помесье герцога Хань не принадлежало канцлеру, оно оставалось владением первостатейного вельможи. Даже в смутные времена здешняя челядь привыкла держаться заносчиво, полагая себя выше простых смертных. Любой проситель заискивал перед ними, сиюсь снискать расположение. Отчего же этот прекрасный юноша смотрел на него как на докучливое, ничтожное насекомое?

Прежде чем сопровождавшие Хан Сиэня слуги успели открыть рот, вперед выступил Бай Шу. Не говоря ни слова, он выхватил клинок и наотмашь полоснул плашмя по лицу наглого слуги. Удар был выверен до мелочи — лезвие раскроило привратнику нос, заставив того кубарем покатиться по ступеням.

— Ослеп, паршивец? — сдерживая клокочущую ярость, процедил Бай Шу. — Своего законного наследника признать не в силах?

Лежавший на земле привратник судорожно зажал окровавленный нос, собираясь истошно завопить и призвать стражу, дабы покарать безумца, дерзнувшего чинить бесчинства у порога Помесья герцога Хань. Но ледяные слова воина мигом остудили его пыл. Сердце слуги испуганно пропустило удар. Позабыв про боль, он невнятно пролепетал:

— Вранье!.. Откуда у нашего наследника такое лицо?

Зеваки в толпе зашушукались, пораженные до глубины души. В столице всякий знал, сколь жалок и страшен был уродливый наследник Хань. Как мог этот живой мертвец превратиться в столь блистательного мужа? С другой стороны, разве посмел бы личный слуга не признать собственного господина? Взоры толпы вновь скрестились на трясущемся привратнике.

Услышав этот глупый лепет, Бай Шу мгновенно вспомнил все обиды, унижения и бесконечное пренебрежение, которые Хан Сиэню довелось перенести в этих проклятых стенах. Жажда расправы в его груди вспыхнула с новой, неодолимой силой. Но стоило ему занести руку для нового удара, как Хан Сиэнь мягко перехватил его запястье.

— Зачем марать руки о глупую челядь? — безучастно проронил он.

Движение наследника было молниеносным, и он столь же быстро разжал пальцы. Однако это мимолетное прикосновение прохладной ладони отозвалось в душе Бай Шу странным, щемящим чувством.

Воин безмолвно убрал меч в ножны и последовал за господином, впервые в жизни открыто ступая под своды Помесья герцога Хань.